

Намнясева Виктория Вячеславовна

канд. юрид. наук, профессор

ФГКОУ ВО «Волгоградская академия МВД России»

г. Волгоград, Волгоградская область

**О ВЛИЯНИИ ПОЛОЖЕНИЙ КОНСТИТУЦИИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА КОНСТРУИРОВАНИЕ
И ПРИМЕНЕНИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ,
ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ ОХРАНУ ИНТЕРЕСОВ ПРАВОСУДИЯ**

Аннотация: рассмотрены отдельные вопросы межотраслевого взаимодействия в ходе конструирования и применения уголовно-правовых норм, обеспечивающих охрану интересов правосудия. В частности, отмечено, что недостатки законодательной регламентации ст. 306 УК РФ, предусматривающей ответственность за заведомо ложный донос, приводят к проблемам при применении данной нормы, в результате которых остаются безнаказанными ряд посягательств на интересы правосудия, а также на честь и достоинство граждан. Предлагаются правила квалификации, обеспечивающие соблюдение принципов, закрепленных в Конституции Российской Федерации.

Ключевые слова: ложный донос, законодательное конструирование, уголовно-правовая норма, Конституция РФ.

Эффективное законотворчество невозможно без учета межотраслевых связей правовых норм. В доктрине уголовного права отмечалось, что «уяснение сущности межотраслевых взаимосвязей является ключом к решению многих проблем уголовного права и взаимодействующих с ним отраслей права, позволяет совершенствовать законотворческий процесс и правоприменение» [1, с. 4]. Уголовное право, представляющее собой систему правовых норм, в свою очередь является подсистемой российского права в целом, что обуславливает соблюдение таких требований, как целостность, единство и непротиворечивость национальной правовой системы, которые следуют учитывать при конструировании уголовно-правовых норм.

Одним из источников уголовного права, основой для обеспечения системного единства как данной отрасли права, так и национальной правовой системы в целом является Конституция Российской Федерации; при этом связь между конституционным и уголовным правом является иерархической. В части 2 статьи 1 УК РФ закреплено положение о том, что Уголовный кодекс основывается на Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ). В доктрине уголовного права неоднократно отмечалось, что Конституция РФ является своеобразным фундаментом, юридической базой уголовного законодательства, исходным условием его существования [2, с. 131; 3, с. 10].

В постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации неоднократно указывалось, что положения отраслевого (уголовного, гражданского, административного, земельного, жилищного и др.) права действуют «в неразрывном системном единстве с конституционными предписаниями». Именно конституционные принципы – верховенства закона, равенства и справедливости – определяют правила построения системы права, к которым, в частности, относится требование определенности правовой нормы. Ряд конституционных норм прямо продублирован в уголовном законодательстве. Так, например, сформулированное в ч. 2 ст. 21 Конституции РФ положение о том, что «никто не должен подвергаться пыткам, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию», нашло свое отражение в ч. 2 ст. 7, ч. 4 ст. 286, ч. 3 ст. 302 УК РФ. Для конструирования уголовно-правовых норм, обеспечивающих охрану интересов правосудия, основополагающее значение имеют нормы, изложенные в статьях 45–52 Конституции РФ и закрепляющие права граждан в сфере судопроизводства, в частности право на судебную защиту своих прав и свобод; право на защиту своих прав и свобод всеми способами, не запрещенными законом; право на рассмотрение дела судом с участием присяжных заседателей в случаях, предусмотренных федеральным законом; право на помощь адвоката (защитника) с момента задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения; запрет на использование при осуществлении правосудия доказательств, полученных с нарушением федерального закона; право на отказ

свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников; право потерпевших от преступлений на доступ к правосудию и ряд других.

Для лишь одного наглядного примера значимости конституционных положений для законодательного конструирования и применения норм, объединенных в главе 31 УК РФ, хотелось бы остановиться на проблеме возможности признания обвиняемого (подозреваемого) субъектом заведомо ложного доноса. Существующая судебная практика носит довольно противоречивый характер. Еще большим разнообразием отличаются научные взгляды ученых, занимающихся данной проблемой. Рассмотрим ситуацию, связанную с ложным обвинением в совершении инкриминируемого обвиняемому деяния других лиц, не причастных к данному преступлению. Судебная практика в данном случае достаточно единообразна. Ее смысл достаточно четко сформулирован еще в определении Верховного суда Российской Федерации по делу Незнамова: «Заведомо ложные показания подозреваемого о совершении преступления другим лицом заведомо ложный донос не образуют, поскольку были даны с целью уклониться от уголовной ответственности и являлись способом защиты от обвинения. Приговор по ч. 2 ст. 306 УК РФ отменен, дело прекращено за отсутствием состава преступления» [4, с. 15].

Мнения же ученых и правоприменителей, высказывающихся по данной проблеме, далеко не однообразны. Ряд авторов соглашаются со сложившейся судебной практикой, отмечая, что в тех случаях, когда обвиняемый делает ложное заявление, касающееся других лиц, утверждая, что преступление совершил не он, а другое лицо, его действия следует рассматривать как допустимый способ защиты [5, с. 214; 6, с. 64; 7, с. 184–185]. Другие ученые полагают, что обвиняемый в данном случае подлежит уголовной ответственности. При этом по вопросу о квалификации содеянного единства мнений не существует. Так, Л.В. Лобанова полагает, что квалификация по ст. 306 УК РФ невозможна, и в настоящее время в подобных случаях должна наступать ответственность за клевету, хотя такая уголовно-правовая оценка не отражает полностью общественную опасность и специфику преступления [8, с. 14–15]. Другие авторы более категоричны. Они

полагают, что сложившаяся практика предоставления обвиняемому почти беспредельного права на защиту противоречит ст. 45 Конституции РФ, в соответствии с которой каждый вправе защищать свои права и свободы только теми способами, которые не запрещены законом. Посягательство на ряд прав и свобод, гарантированных Конституцией, к таким способам не относится. Поэтому обвиняемый, который, отрицая свою вину, приписывает совершение преступления другому лицу, совершает преступление, предусмотренное ст. 306 УК РФ [9, с. 5–7; 10, с. 25; 11, с. 43–45].

Именно данная позиция представляется наиболее правильной, соответствующей необходимости охраны как интересов правосудия, так и гарантированных законодательством прав и свобод конкретных лиц. Представляется удачной по данному поводу ссылка на комментарий к ст. 157 Уголовного уложения 1903 года, регламентирующей ответственность за ложный донос, соединенный с обвинением конкретного лица в совершении преступления: виновником ложного доноса может быть любое лицо, чье заявление или сообщение послужило или могло послужить основанием для начатия дела или привлечения к ответственности. Никаких ограничений в этом отношении устав уголовного судопроизводства не знает [12, с. 281–284].

Противоречивая ситуация складывается в случаях обвинения другого лица в совершении иных (не инкриминируемых обвиняемому) преступлений с целью избежать ответственности. Такие действия в доктрине уголовного права принято считать противоправными, однако привлечение к уголовной ответственности за заведомо ложный донос происходит далеко не всегда. Судебная практика по данной категории дел неоднородна – по данной категории дел выносятся как обвинительные, так и оправдательные приговоры.

К сожалению, достаточно часто суды не признают ложным доносом показания обвиняемых, которые с целью избежать уголовной ответственности сообщают ложные сведения о том, что в отношении них применялось насилие со стороны сотрудников правоохранительных органов. Так, например, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ отменила приговор о признании

Беликова виновным в заведомо ложном доносе о совершении преступления, соединенном с обвинением лица в совершении тяжкого преступления, указав, что сообщенные им ложные сведения о применении к нему недозволенных методов ведения следствия как способ защиты от обвинения не являются заведомо ложным доносом, а потому в его действиях отсутствует состав преступления, предусмотренный ч. 2 ст. 306 УК РФ [13].

Подобная позиция суда неоднократно критиковалась как учеными, так и правоприменителями [9, с. 6–7; 10, с. 25; 14, с. 31–32; 15, с. 46–47]. Ее результатом стало то, что при судебном разбирательстве, особенно при рассмотрении дел судами присяжных, а также при подаче жалоб для подсудимых и их адвокатов стало нормой указывать на «оказание давления, психического и физического воздействия со стороны работников полиции», «применение незаконных методов ведения следствия», «получение доказательств и признание вины под незаконным воздействием органов дознания и предварительного следствия», «применение недозволенных методов ведения следствия, в результате чего подсудимый оговорил себя». Делается это для того, чтобы вызывать сомнение в законности получения представленных доказательств, признания их полученными с нарушением требований УПК РФ, и, следовательно, недопустимыми. В подавляющем большинстве случаев в суде эти факты не находят подтверждения – традиционным стал вывод о том, что «доводы о незаконных методах ведения следствия судом проверены и обоснованно отвергнуты». Однако по каждому из таких заявлений проводится проверка, отвлекаются силы и средства правоохранительных органов, совершаются посягательства на честь, достоинство и иные права сотрудников правоохранительных органов. Полагаем, что действия обвиняемого (подозреваемого, подсудимого), который делает ложное сообщение о применении к нему незаконных методов ведения расследования, должны квалифицироваться по ст. 306 УК РФ как заведомо ложный донос. И именно данная позиция будет наиболее соответствовать положению, закрепленному в ст. 45 Конституции РФ: каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, *не запрещенными* законом (курсив наш – Н.В.).

Список литературы

1. Пикуров Н.И. Уголовное право в системе межотраслевых связей: монография / Н.И. Пикуров. – Волгоград: ВЮИ МВД России, 1998. – 219 с.
2. Ковалев М.И. Об источниках уголовного права / М.И. Ковалев // Правоведение. – 1975. – №5. – С. 128–132. EDN UJZEGF
3. Денисова А.В. Выявление и преодоление рассогласования положений УК РФ и предписаний уголовно-правового характера, содержащихся в федеральных законах иной отраслевой принадлежности: автореф. ... канд. юрид. наук / А.В. Денисова. – Самара, 2004. – 16 с. EDN NHWTSZ
4. Обзор судебной практики Верховного суда Российской Федерации по уголовным делам за второе полугодие 1997 г. Определение №1-Д97-16 по делу Незнамова // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1998. – №4. – С. 14–17.
5. Уголовная ответственность за преступления против правосудия / под ред. А.В. Галаховой. – М.: Рос. академия правосудия, 2003. – 296 с.
6. Фаргиев И.А. Заведомо ложный донос (актуальные вопросы судебной практики) / И.А. Фаргиев // Уголовное право. – 2007. – №5. – С. 61–65. EDN КХКТХТ
7. Бриллиантов А.В. Настольная книга судьи: преступления против правосудия / А.В. Бриллиантов, Н.Р. Косевич. – М.: ТК Велби; Проспект, 2008. – 557 с. – ISBN 978-5-482-02034-0. EDN QQWKIH
8. Лобанова Л.В. Уголовная ответственность за ложную информацию и поощрение к нарушению обязанности содействовать правосудию: учеб. пособие / Л.В. Лобанова. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1997. – 75 с. ISBN 5-85534-115-1. EDN RLWWOB
9. Нафиев С. Право на защиту – не беспредельно / С. Нафиев, А. Васин // Законность. – 1999. – №4. – С. 5–7.
10. Николаев М. Привлечение к уголовной ответственности за заведомо ложный донос / М. Николаев // Законность. – 2000. – №8. – С. 24–25.

11. Шнитенков А.В. Уголовная ответственность за заведомо ложный донос / А.В. Шнитенков // Российская юстиция. – 2007. – №12. – С. 43–45. EDN ILHSCD

12. Уголовное уложение 22 марта 1903 г. (с мотивами, извлеченными из объяснительной записки редакционной комиссии, представления Министерства юстиции в Государственный Совет и журналов – особого совещания, особого присутствия департаментов и общего собрания Государственного Совета) / изд. Н.С. Таганцева. – СПб.: Гос. тип., 1904. – 1122 с.

13. Определение Верховного Суда Российской Федерации 7 июня 2010 г. №83-Д10-2 // СПС «КонсультантПлюс».

14. Гончаров М.А. Заведомо ложный донос – не способ защиты / М.А. Гончаров // Законность. – 2009. – №8. – С. 31–32. EDN KXFMMH

15. Борисов В.И. Проблемы ответственности за подкуп или принуждение лица, дающего показания, эксперта, специалиста и переводчика в российском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук / В.И. Борисов. – Волгоград, 2012. – 260 с. EDN QFVEQR